

Иван Гончаров

СЧАСТЛИВАЯ
ОШИБКА

ПОВЕСТИ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г65

Гончаров, И.

Г65 Счастливая ошибка / И. Гончаров. — М. : T8RUGRAM,
2018. — 120 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-07392-4

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) — русский писатель XIX века, литературный критик, публицист, автор романа-бестселлера «Обломов».

В книге представлены повести «Лихая болезнь» и «Счастливая ошибка», в которых автор легко и изящно высмеивает светское общество России XIX века, беспочвенный романтизм и мечтательность. Комические отступления напомнят читателю о наследии Гоголя, а неизменные человеческие типажи — о том, что у произведений великих авторов нет сроков давности.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-07392-4

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИХАЯ БОЛЕСТЬ	5
СЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА	63

ЛИХАЯ БОЛЕСТЬ

В декабре 1830 года, когда холера находилась еще в Москве, но уже значительно уменьшилась, из двухсот пятидесяти кур пятьдесят в самом непродолжительном времени лишились жизни.

**Ученая брошюра о действиях холеры
в Москве, доктора Христиана Лодера;
Москва; страница 81**

Читали ли вы, милостивые государи, или по крайней мере слышали ли о странной болезни, которою некогда были одержимы дети в Германии и Франции и которой нет названия и другого примера в летописях медицины; именно: в них поселялось какое-то непостижимое стремление идти на гору св. Михаила (кажется, в Нормандии).

Тщетно отчаянные родители старались удержать их: малейшее сопротивление их болезненным желанием влекло за собою печальные следствия жизнь детей медленно угасала. Удивительно? не правда ли? — Не будучи знаком с литературою медицины, не следуя за ее открытиями и успехами, я не могу сказать вам, объяснен ли этот факт или по крайней мере подтверждено ли его вероятие; но зато с своей стороны сообщу свету о подобной же не менее странной и непостижимой эпидемической болезни, губительных действий которой я был очевидным свидетелем и чуть не жертвою. Предлагая наблюдения мои со всевозможною

подробностию, я осмеливаюсь предупредить читателя, что они не подвержены никакому сомнению, хотя, к сожалению, не запечатлены верностью взгляда и ученым изложением, свойственным медику.

Прежде нежели опишу этот недуг со всеми его признаками, долгом поставяю уведомить читателя о тех особах, которые имели несчастье испытать его.

Несколько лет назад я познакомился с добрым, милым, образованным семейством Зуровых и проводил у них почти все зимние вечера. Время неприметно текло среди их самих, среди круга их знакомых, наконец, среди тех удовольствий, которые они избрали и допустили в своем доме. Там, правда, не было карт, и напрасно праздный старик или избалованный бездействием, мучимый головою и душевною пустотою юноша стали бы искать денег и развлечения в этом занятии: надежды их никогда не сошлись бы с благородным образом мыслей Зуровых и их гостей; но зато танцы, музыка, а чаще всего чтение, разговоры о литературе и искусствах поглощали зимние вечера.

С каким удовольствием вспоминаю я эту густую толпу друзей, осаждавшую большой круглый стол, перед которым на турецком диване сиживала Мария Александровна, добрая хозяйка, и разливала чай, а сам Алексей Петрович ходил обыкновенно с сигарою и чашкою холодного чая вдоль по комнате, по временам останавливался, вмешивался в разговор и опять ходил. Помню и восьмидесятилетнюю бабушку, разбитую параличом, которая, сидя поодаль в укромном уголке на вольтеровских креслах, с любовью обращала ту-

склый взгляд на свое потомство, и соленая слеза мирного счастья мучила глаза ее, и без того расположенные к слепоте. Помню, как она поминутно подзывала младшего внука Володю и гладила его по голове, что не всегда нравилось резвому мальчику, и он часто притворялся, будто не слышит ее призыва. Сверх всего этого, бабушка была презамечательная особа во многих отношениях; а потому да позволено будет мне сказать еще несколько слов о ней: она сидела, как было упомянуто выше, постоянно на одном месте и владела только левою рукою: подивитесь же деятельности! умела употребить и единственную свою длань с пользою для общества; следовательно, несмотря на угасшие силы и едва таившуюся искру в ветхом сосуде жизни, занимала почетное звено в цепи существ. Когда утром внуки и внучки, подняв ее с постели, усаживали в кресла, тут она поднимала левою рукою с материнскою заботливостью стору у окна, и Боже сохрани, если б кто другой предупредил ее! Но только ли еще? Ужели умолчу о главной ее способности, которая дорого покупается бедным человечеством, — увечьем на службе или параличом; бабушка купила последним. Дело в том, что она во всякое время предсказывала погоду и служила как бы домашним живым барометром. Так, ежели Марье Александровне, Алексею Петровичу или кому-нибудь из старших внуков нужно было идти со двора, то предварительно спрашивали ее: «Матушка (или бабушка), какова-то погода будет?» — и она, пощупав который-нибудь из онемевших членов, как вдохновенная сивилла, отрывисто отвечала: «Снежно — ясно — оттепель

великий мороз», — смотря по обстоятельствам, и никогда не обманывалась. Не полезно ли иметь такое сокровище в семействе? Помню и старого заслуженного профессора, который, оставив кафедру политической экономии, с большим успехом занимался еще исследованием разных сортов нюхального табаку и влияния его на богатство народов. Помню, наконец, свое место подле племянницы Зуровых, чувствительной, задумчивой Феклы, с которой я любил беседовать тишком о разных предметах, например о том, долго ли могут проноситься чулки после штопанья или сколько бы аршин холста потребовалось мне на рубашки и проч., на что она всегда давала ясные и удовлетворительные ответы. Помню, как острые, но не язвительные шутки сыпались со всех сторон и возбуждали дружный хохот; помню... Но простите, милостивые государи и государыни, что не могу привести в ясность и разместить в приличном порядке всех воспоминаний: они смешанной толпой теснятся в мою голову и выжимают оттуда слезы, которые струятся по щекам и потом орошают сию писчую бумагу. Позвольте обтереть их: иначе не дождетесь моего рассказа...

Ну вот теперь я покойнее и могу снова заняться своим предметом, от которого отворотили меня умиление и сострадание. «Сострадание? — спросите вы, — как? почему? какое?» Да, сострадание, милостивые государи и государыни, глубокое сострадание. Я был связан к моим знакомым не только душевными, но и сердечными узами, которые хотел укрепить законным образом. Вспомните мой давешний намек на разговор

с Феклой: это недаром; гм! понимаете? Как же не плакать, как не терзаться, когда подумаю, что все семейство, начиная с бабушки и до шалуна Володи, погибло, погибло навсегда жертвою страшной эпидемии, которая, к счастью, удовольствовалась этим, хотя и распространилась было и между знакомыми их, но те впоследствии избежали ее. Вот, извольте видеть, как это происходило.

Я вначале упомянул, что проводил у Зуровых зимние вечера, а об летних не сказал ни слова потому, что я летом не жил в Петербурге, а уезжал, по приглашению дяди-старика, к нему в деревню пить с ним, по его настоятельным просьбам, домашние наливки, из которых рябиновка, приготовленная по особенному рецепту, могла, как утверждал он, восстановить порядок в моей нервной системе, а простокваша и варенцы, любимый его подник, предохранить от желудочных болей, которым я был тогда подвержен. Как на минеральные воды, целые три лета сряду ездил я в деревню лечиться и взял три таких курса; но на четвертое небесам угодно было послать два страшные бедствия на ту губернию, где жил дядя: первое — неурожай на ягоды, вследствие чего наливочные бутылки остались пусты и празды; и второе скотский падеж, столь сильный, что число трехсот пятидесяти голов скота сократилось в три, варенцы и простокваша оскудели; дядя мой, видя, что белый счет мало-помалу теряет свою заманчивость и что любимые его занятия исчезают, с горя также пал вместе с последнею любимую коровою и оставил меня наследником имения. — Остаток лета я употребил на

приведение в порядок дел, а к началу зимы возвратился в Петербург. Первый мой визит был, разумеется, к Зуровым. Мне обрадовались. Я нашел все по-прежнему, и зима опять застала те же лица в теплой зале Зуровых, за тем же чайным столом, меня опять подле Феклы, Алексея Петровича с сигарою, Марью Александровну, с прежнею любезностью и умом, за нескончаемою от века работою, вышиванием ковра по канве, начатого ею еще до замужства. В детях только произошли некоторые перемены: старший сын возмужал, вступил в университет и начал прислушиваться к шороху женского платья, а младший перестал прятать у своего учителя-немца платок с табакеркой и сажать бабушку мимо кресел, да еще бабушка сама усугубила деятельность и в забывчивости опускала стору середь дня или, отходя ко сну, поднимала ее. Впрочем, все остальное было по-прежнему.

Быстро проходила зима; вечера стали короче; бабушка перестала предсказывать о великом морозе; на языке у ней чаще вертелось слово «оттепель». Настал апрель; солнце пламенным лучом проводило последний зимний день, который, уходя, сделал такую плачевную гримасу, что Нева от смеху треснула и полилась через край, а суровая земля улыбнулась сквозь снег. Ветреная щебетунья ласточка и верхолет жаворонок уже донесли о наступлении весны. В природе поднялся обычный шум: те, которые умирали или спали, воскресли и проснулись; все засуетилось, запело, запрыгало, заворчал, заквакало — на небеси горе, и на земли